

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Борис Васильев
Владимир Мономах

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Васильев Б.

Владимир Мономах / Б. Васильев — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Его имя стало легендой еще при жизни. Владимир Мономах совершил более 80 боевых походов, под его началом были наголову разгромлены коварные и хищные половцы. Он железной рукой пресек княжеские междоусобицы, объединив Русскую землю и подарив ей покой и процветание — именно при Владимире Мономахе Киевская Русь достигла вершины своего могущества, став первым государством Европы. Захватывающая история жизни, борьбы за власть, походов, побед и свершений великого князя описана в романе Бориса Васильева.

© Васильев Б.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая. Юность	5
Глава первая	5
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Борис Васильев

Владимир Мономах

Часть первая. Юность

Глава первая

1

Владимир Мономах, во крещении Василий, получивший второе имя Мономах в честь деда по матери Византийского императора Константина Мономаха, был любимым сыном великого князя Киевского Всеволода. Не только потому, что оказался первенцем, – основная причина крылась не в этом. Великий князь Киевский мечтал вылепить из сына копию самого себя и таким образом как бы продлить собственную жизнь.

В младенчестве Владимир жил на женской половине дома, где единственной и повелительной владычицей была его матушка, дочь Византийского императора, великая княгиня Киевская Анна. Маленький Владимир ходил в мужской одежде еще до традиционного обряда посажения на коня: уже в пять лет мать впервые велела сесть ему в седло. Он очень быстро привык к смирной лошадке, с веселым смехом скакал по кругу, но однажды не удержался и вылетел из седла, больно ударившись спиной о землю.

– Больно, матушка!..

– Встань.

– Больно...

Но кое-как поднялся.

– Поймай коня и сядь в седло.

– Больно, ма...

– Ты – князь!

Тон, каким великая княгиня произнесла эти два слова, был мальчику незнаком. Не окрик, нет! Но – повеление свыше. Повеление, которого невозможно послушаться.

Преодолевая боль, пятилетний Владимир поймал коня, сел в седло. По лицу его текли слезы, но он был невероятно горд, что и коня поймал, и сел в седло без посторонней помощи.

Так он впервые узнал о существовании *повеления*, которого ни под каким видом нельзя послушаться, а уж тем паче – попытаться оспорить. Повеление – выше команд, приказов и распоряжений. Повеление есть повеление – его исполняют тотчас, без вопросов, уточнений и разъяснений.

Так Анна, не сердясь и не одергивая сына, показала ему, малолетнему, что существует нечто выше желаний, капризов, собственного страха, даже собственной боли. Существует право отдавать повеления, и существует обязанность исполнять их точно и в срок.

В семь лет Владимир прошел древнеславянский торжественный обряд посажения на коня. По этому обряду мальчика впервые остригли под горшок, безжалостно срезав детские кудри, переодели в боевую мужскую одежду и торжественно ввели из женской половины дворца в мужскую. Здесь его встретил отец, великий князь Киевский Всеволод. Он лично вручил сыну полное дружинное, откованное для его возраста и роста, оружие и коня. И сказал:

– Без нужды меча не обнажай, без славы не вкладывай.

Затем посадил сына в седло и, взяв коня под уздцы, трижды провел его по кругу. По обе стороны шли воеводы с обнаженными мечами, за воеводами следовали люди именитые: начальники различных военных служб, отборные дружинники, представители знати, Боярской думы, чинов и купечества. Все громко желали новому юному воину здравия, удачи, силы и славы.

С этого дня к Владимиру приставили дядьку, в обязанности которого входили не только уход за маленьким княжичем, но и обучение его боевому искусству.

Потом княжичу дали для игр и совместных занятий мальчика чуть старше его самого – это было очень почетное место, обедневшие князья и родовитые бояре весьма усердно боролись за него; в конце концов место будущего друга княжича досталось юному представителю древнего боярского рода – поддержал его сам великий князь Киевский Всеволод.

Мальчика звали Свиридом. Он был на четыре года старше Владимира, знал грамоту и с удовольствием читал книги, что и послужило решающей причиной выбора.

А потом устроили пир. Дружинники и воеводы желали княжичу побед, кричали «Слава!», князья и бояре уважительно пожимали ему руку. Мальчик был громогласно объявлен воином и навсегда перешел жить на мужскую половину дворца.

Теперь главной его заботой была забота о коне – они должны были стать неразлучными друзьями. Владимир быстро подружился с дареным конем, легко приучил его слушаться не только поводов и шенкелей, но и голоса.

Хотя теперь он жил на мужской половине дома, он продолжал часто навещать мать (ее царственные поучения были проще и доступнее отцовских бесконечно длинных наставлений). Это не возбранялось обычаями. Просто считалось, что отныне сына воспитывает отец.

Дядька, которого звали Самойлой, еще совсем недавно служил в дружине самого великого князя и не раз отличился в боях. Он мастерски владел всеми видами оружия, в мельчайших нюансах постиг особенности боя на мечах, на копьях и теперь должен был научить этому и наследника великого князя.

Вместе с Владимиром обучался боям и его товарищ Свирид. Обучение было жестким, суровым, однообразным и потому скучным. Мальчикам оно, естественно, не нравилось. Но Владимир терпел, поскольку видел в нем повеление. Свирид же никакого повеления не чувствовал – с его точки зрения, весь процесс жестокого обучения был придуман взрослыми для угнетения их свободных мальчишеских душ. Но он тоже терпел, поскольку обязан был терпеть все невзгоды в качестве друга наследника Киевского Стола.

Обучение шло на деревянных мечах; для того чтобы не так болезненно чувствовать на себе жесткие удары, мальчикам полагалось надевать ватные стеганные куртки и штаны. Бегать и прыгать в такой форме было тяжело, но приходилось – Самойло приучал их уворачиваться от меча. И они покорно учились, получая синяки, ссадины и потя в ватной одежде.

– Давай сбежим, – сказал как-то Свирид. – Я больше не могу. Хожу в синяках и все время чешусь.

– Это невозможно.

– Почему невозможно?

– Потому что это – повеление.

– Что?..

– Повеление. Его надо исполнять во что бы то ни стало.

В голосе Владимира прозвучало что-то настолько властное, что Свирид замолчал. Укрылся с головой и беззвучно плакал, пока не уснул.

В конце концов их обучили всему тому, что надобно воину в сражении: владению мечом и щитом, умению уклоняться от ударов, а также некоторым уловкам опытных воинов, способных

заставить противника раскрыться. Синяки и боль в суставах постепенно прошли, и в еще не окрепших мышцах осталась одна усталость.

Но потом и она прошла.

Только после этой школы выживания в бою великий князь Киевский Всеволод принялся обучать сына, а заодно и сопутствующего ему Свирида выживанию в мирной жизни. Начал торжественно с подходов, так сказать, общего характера.

– Учитесь, сыны. Учитесь видеть мир Божий и мир Дьявола. Учитесь дружить и учитесь сражаться, отстаивать правду и воевать с ложью.

– Но воевать – значит убивать, батюшка. И тратить силы свои.

Оспаривать излагаемые великим князем постулаты дозволялось только Владимиру. Свирид молчал, но часто согласно кивал головой.

– Не следует тратить здоровье и силу свою попусту, сыны. Ни на охоте, ни в играх, ни в пустопорожних забавах. Тратить следует в бою, потому что ничего нет выше славной победы.

Князь Киевский излагал истины со строго сведенными бровями. Он в них верил, как в «Отче Наш...», и говорил увесисто.

– Рана от верного друга куда достойнее, чем поцелуй врага.

Дети слушали покорно. Но не всегда.

– Ну как же так получается, батюшка... – Владимир, привыкший уже к материнской логике, не принимал тяжеловесного отцовского разъяснения, в котором, как правило, говорилось обо всем в общем и ни о чем в частности. – Для славной победы надо иметь достойного врага, батюшка.

– Это безусловно, сын. Лучше мало, да с правдой, чем много без правды.

– А как же угадать друга?

– Муж обличающий лучше льстящего, сын.

– А как отличить лесть от правды, батюшка?

– Уменье коня познается на войне, а друга – в беде, сын.

– А есть ли у войны законы?

– Первый закон: никогда не воюй со своими, не проливай братской крови. Со своими надо искать мира и согласия.

– Всегда?

– Межусобица ослабляет Русь.

– Понял, батюшка.

– Объединяйся со своими братьями ради общего святого дела – защиты Великого Киевского княжения. Об этом помни всегда.

– Чего бы это ни стоило?

Владимир спросил вполне серьезно, но великий князь уловил в его вопросе легкую иронию. Это ему не понравилось.

– Ничего нет страшнее раздора меж братьями, сын. Ничего, запомни сие.

– Запомнил, батюшка.

– Круши врага братьев твоих и всего Великого Киевского княжения. Все вместе, дружно, щитом друг друга прикрывая.

– И враг этот...

– Половцы. Помните, сыны, самый главный враг Киевской Руси – половцы.

– Всегда буду помнить, батюшка.

– Они прирожденные всадники, и эти всадники дружно атакуют противника. А внезапный удар конницы – страшная сила. Они окружают пехотную рать, засыпают стрелами и разрывают строй.

– И нет никакой возможности выдержать удар половцев?

Великий князь вздохнул:

– Их могло бы сдержать конное войско, но у нас конного войска нет. Есть незначительная конная стража, но стража не может сдержать натиск яростно атакующей конницы. Она обучена только защищать самого князя и его воевод.

Владимир смотрел на отца преданными глазами, но сам взгляд показался великому князю отсутствующим. И это тоже ему не понравилось.

– Ты понял меня, сын?

– Понял, батюшка.

– И научись видеть. Не просто смотреть на мир, но зреть его, оценивать и понимать.

– Да, батюшка.

Сын никогда не спорил с отцом, но всегда дорожил собственным мнением.

– Молодые глаза зорче старых. Зорче и свежее, и потому способны увидеть новое.

– Да, батюшка.

Нет, любимый сын явно не слушал, а потому и не слышал его. Он устремлялся вослед за своими думами или мечтаниями и только старательно поддакивал отцу в паузах. И это великому князю тоже не нравилось.

– Поддай-ка мне книгу и ступай.

Свирид опередил Владимира и подал книгу.

– Ваша книга, великий князь.

– Благодарю, – вздохнул Всеволод. – Ступайте, сыны.

Мальчики молча вышли.

«Я неправильно начал, – с горечью подумал великий князь. – Надо было бы начать с Божественной Истории. И вообще – с истории. Надо перечитать Геродота...»

– Но сначала – с Божественной, – вслух сказал он самому себе. – С Божественной!.. О святых угодниках Божиих и о славе их в веках!

2

Великий князь Киевский Всеволод пристрастился к чтению с юности, скупал книги и рукописи, где только мог, и у него была большая по тем временам библиотека. А поскольку на Руси книг было очень мало, то князю привозили книги из стран европейских. Послы и купцы, священники и монахи, добрые знакомые и вовсе незнакомые, но знавшие о странной тяге великого Киевского князя. И ради стремления к чтению начал Киевский князь изучать языки заграничные и вскоре объяснялся на шести языках вполне основательно.

И наставлял первенца:

– Читай, сын. В книгах сосредоточена вся мудрость мира.

– А можно выучить мудрость?

– Сие невозможно, сын. Можно выучить лишь некие общие правила.

– А мудрость?

– Мудрость человек извлекает либо из разговоров с мудрецами, либо из чтения книг.

Владимир быстро выучился читать и легко освоил европейские языки. Он обладал отличной памятью и еще большим желанием учиться. И всю жизнь считал, что он так и не извлек мудрости из книг...

– Трудно сие, – усмехался отец.

Великий князь все видел, все учитывал и продолжал упорно воспитывать наследника. Ежедневные вечерние беседы их затягивались порою до глубокой ночи, потому что сын был весьма любознательным и слушал с жадным нетерпением.

С особым вниманием следил великий князь за чтением своего первенца:

– Читать надобно с полным пониманием. И непременно перечитывать, коли чего не поймешь. В книгах мудрость людская.

– Да, батюшка.

Владимир читал со вниманием, а частенько и перечитывал. Но великого князя интересовал результат, а не процесс:

– Как по-твоему, сын, что есть главное земное благо человека?

– Святая вера в Господа нашего Иисуса Христа, батюшка.

– Это бесспорно, сын. Я говорю не о небесном долге, а о житейском благе.

Владимир основательно подумал, прежде чем ответить отцу.

– Верность, батюшка?

– Не совсем точно. Запомни: ничего нет прочнее слова святого человека.

– Непременно, батюшка... Только как определить, святой он или не святой?

– Вот! – Великий князь очень обрадовался этому вопросу, даже пальцем ткнул в сына и повторил: – Вот!.. Читайте Святое Писание, сыны, а Жития русских святых – в первую голову. Как они постились, замыкая себя в пещерах от ока людского, как бичевали себя плетями и железами, дабы укротить плоть свою ради защиты Руси Святой от супостатов...

– Дозволь вопрос, батюшка, – решительно перебил Владимир.

– Что еще? – нахмурился Всеволод.

– Русь укрощенной плотью от супостатов не спасешь, батюшка. Русь с мечом в руке спасать надобно, себя не щадя. А эти святоши, о которых упомянул ты как о героях, себя спасали в пещерах своих от гнева Божьего, а не Русь Святую!

Великий Киевский князь от такого ответа и слова молвить не мог. Только губами плямкал, тыча задрожавшим пальцем в Свирида. Проговорил наконец:

– Ты... Ты скажи ему...

– В древних книгах, которые самой Библии старше, сказано, что любовь правит миром, великий князь. Любовь к отечеству, любовь к людям. Миром правит любовь, великий князь.

– Вон!.. – вскричал великий князь. – Вон, самостийники!..

И, словно подавая пример, первым вышел из собственных покоев.

Владимир на всю жизнь запомнил эти вечерние беседы с отцом. Они никогда не замыкались на одной теме, легко и естественно переходя на темы соседствующие и далее, далее, чтобы где-то вновь вернуться к началу. Домашние беседы с отцом неспешно двигались к пониманию многих вещей по спирали, и эта спираль надежно ввинтилась в память княжича.

«Ложь есть начало всех зол...» – так сказала матушка.

Сын вырос, постепенно забывая отцовские наставления и заменяя их собственными. Но слова матушки своей помнил всю жизнь.

3

Кроме книг и воспитательных бесед у великого князя Киевского была еще одна страсть, вполне объяснимая в те времена: охота в Дикой Степи. Укрепив сына нравственно, Всеволод решил укрепить его и телесно.

– Сколько тебе лет, сын?

– Четырнадцать вот-вот должно бы исполниться, батюшка.

– Жеребца добро выездил?

– Голоса слушается.

– Стало быть, пора уж тебе, сын, и на Дикую Степь поглядеть.

– Давно этого хочу, батюшка.

– Завтра с зарею и выедем.

На следующее утро, едва солнце позолотило облака – с первой денницей, как тогда говорили, – отец с сыном выехали со двора верхами без всякой охраны. Великий князь не любил посторонних ушей и глаз. В особенности когда ощущал в себе острое желание поучать первенца.

Ехали молча и неспешно. Всеволод размышлял, как поведет себя сын, впервые увидев безграничный простор и безграничную свободу Дикой Степи, где каждый зверь и каждая птица были вольны жить так, как они живут, прислушиваясь только к собственным желаниям и руководствуясь только собственной волей. А княжич думал о второй отцовской страсти, которую он увидит и ощутит вот за этим подъемом.

Они поднялись на пологий склон и остановили коней. Перед ними лежала просыпающаяся ото сна долина. Остатки тумана поднимались над нею, как последние сладкие сновидения. В озерах и болотцах навстречу солнцу всплывали белые кувшинки.

– Будто со сна земля потягивается, – с улыбкой заметил Владимир.

– Мир Божий просыпается, сын.

Великий князь понял вдруг, что на миг непозволительно расслабился. И тут же сменил тон: уж очень склонен был поучать.

– Прежде чем постичь тайны Великого Киевского княжения, надо постичь чистоту его красок, – негромко сказал Всеволод сыну. – Перед тобой на равнине все краски Земли Киевской. Смотри внимательно и разумно с восхода на закат, от шуйцы до десницы. И спрашивай, непременно спрашивай, если чем-то удивлен будешь или чего-то не поймешь.

– Понял, батюшка. От восхода на закат, от шуйцы к деснице...

Княжич Владимир никогда не стеснялся спрашивать, если что-то было для него непонятным. И, едва начав основательный неторопливый осмотр от шуйцы до десницы, сразу же наткнулся взором на что-то, доселе ему неизвестное.

– Дозволишь вопрос, батюшка?

– Велю.

– А что это за темно-зеленое пятно, если от шуйцы смотреть?

– Полынь. Первая листва ее, всходы, всегда темной зеленью отливают. Потом светлеют, желтеть начинают, отсыхают совсем, а стебель с метелкой семян стремится к солнцу, чтобы созреть и умереть, дав новую молодую жизнь семенами.

– А почему листва темной зелени будто серебром присыпана?

– То не серебро. То соль.

– Откуда же соль взялась?

– Бури и ветер соль приносят с моря, которое Понтом Евксинским зовется. А по-нашему – Черным. Вот эта горькая черноморская соль и оседает на полынных зеленях. Потом в землю уходит, когда листья полынные отмирают.

– А почему черноморская соль именно на полыни оседает?

– Листья у нее шершавые и маслянистые слегка. Что дальше видишь?

– Кусок травы. Другая зелень у нее. Более сочная, что ли.

– Это копытка. Она и под снегом выживает, и дикие лошади, которые тарпанами зовутся, зимой копытами снег разгребают, чтобы до нее добраться, почему и название такое получила. Копытка и лютой зимой сочная. Что рядом?

– Рядом веселые столбики с метелками. Шевелится все, будто играет.

– То ковыль. Очень живучий, сочный. Скотина травоядная – тарпаны, олени, косули – его любят. Упрямая трава. Она в конце концов всех победит, и степь станет ковыльной. Только полынь кое-где на солончаках останется.

– Дальше...

– Дальше пока погодим, – сказал великий князь. – С травами ты достаточно ознакомился, теперь о зверях поговорим.

– Дозволь сначала вопрос, батюшка.

Великий князь кивнул.

– Спрашивай.

– Мы вроде бы в щель смотрим, а откосы у щели каменистые и как бы зелень на них.

Что же это за зелень?

– Камнеломки тут ютятся. Хмель, плаун, дикий виноград. Помалу, неторопливо камень разрушают до песчинок. Этот труд их долгий и совместный степь ровной делает.

– Вон что...

– Если все понял, тогда пора к степному зверю переходить.

– Пора, батюшка.

– Тогда слушай.

Великий князь солидно откашлялся, подумал, с чего начинать.

– Два особо опасных зверя в дикой и пустой сей равнине проживают. Лютый зверь пардус, которого барсом еще зовут, и яростный зверь тур. Он зубром еще называется. Ну, лютому зверине и косуль с ланями, дрофами да оленями хватает, но все же ты за этим приглядывай, а яростного зубра остерегайся всегда. Зверь этот древний, а то и вовсе допотопный. Яростью злой пышет, так что сразу, как только заметишь его близко, коня разворачивай и гони беспощадно. Уразумел, сын?

Владимир про себя чуть усмехнулся.

– Уразумел, батюшка.

– Слово верю, хоть ты и усмехаешься совсем некстати. И под это слово одного тебя в дикость эту отпускать буду, когда дела меня задержат. Но – при мече и в кольчуге.

– При мече и в кольчуге, батюшка. В полном оружьи и даже со щитом.

Вовремя он тогда про щит сказал. В шутку, конечно, но шутка обернулась пророчеством.

На следующий день у великого князя дел не оказалось, и они снова выехали верхами в горькую полынную степь, где привольно паслись многочисленные дрофы, стада ланей, оленей, тарпанов, косуль. Лютого зверя нигде не было видно, а туры, да и тарпаны держались далеко от них. Всеволод широким жестом указал сыну на всю огромную равнину.

– Гляди, сын, на живой простор, где никто так просто, зазря, никого не убивает. Только ради пропитания своего. Этим Господь, Бог наш Святой, учит нас кровь понапрасну не проливать. Понял ли мудрость сию?

– Все понял, батюшка. Однако позволишь ли спросить тебя?

– Спрашивай.

– А где половцы?

– Там, где трава. Они кочуют по рассветным равнинам, а если и там травы не уродилось, то морским берегом проходят на сочные долины меж Днепром и Дунаем, где и откармливают коней. Но ты, сын, о них никогда не забывай.

– Почему? Они же вдоль моря гонят, чтобы коней на дунайских равнинах откормить.

– Откормят и на нас бросятся. Так что ты, когда править станешь, об этом помни. Окружат и стрелами забросают.

Владимир на минуту задумался и спросил неожиданно:

– А почему они половцами прозываются? Потому ли, что в поле живут?

– Так некоторые и полагают.

– Стало быть, ты, батюшка, по-иному, по-своему полагаешь?

– По-иному, – великий князь подумал. – Все кочевники, что на Великое Киевское княжение доселе нападали, на нас не похожи. Смуглые, скуластые, темноглазые, черноволосые. А волосы у половцев – себя они, между прочим, кипчаками называют – на лежалую солому похожи. И глаза серые, светлые, а порою совсем как у нас.

– А чего же тогда на нас нападают?

– Родня чаще друг дружку колотит. Так сподручнее обиды развеять.

Владимир помолчал, думая о чем-то ином. И сказал вдруг:

– Вот я свою конницу и создам. Пока они мою пехоту будут стрелами забрасывать, я свою конницу в их коши пошлю и все пожгу.

– Это ты по молодости так решаешь. Жен вдовить да детей сиротить – невелика слава. А может, лучше и достойнее наших воинов на их девках женить да на землю сажать? И конница для киевского войска подрастать будет. Конник с детства к коню привыкает. И конь к нему привыкает.

– Лучше пока свою конницу из дворян и детей дворянских собрать. Дворяне наши в пять лет своих детей на коня сажают.

– Это верно, но о половцах не забывай. Родня они нам, сердце чует, но пока... – Великий князь подумал. – Собери самых почетных дворян и посоветуйся с ними. Что они тебе скажут.

– Ты в Ростов мне велел князем ехать. А Ростов – старое дворянское гнездо. Вот там я их и соберу на совет.

Отец усмехнулся:

– Все продумал. Значит, так тому и быть. И пора возвращаться, сын. Подстрели косулю нам с тобой на полдник.

Великий князь протянул сыну свой лук, и Владимир тут же сразил стрелой косулю. Отдал лук отцу и пошел к добыче, на ходу доставая засапожный нож. Наклонившись к поверженной дичи, он вдруг встретился взглядом с ее огромными бархатными глазами. В них не было никакого страха. Только глубокая обида и укор. Княжич попятился, не отрывая от косули взгляда. Повернулся и побежал...

– Не могу...

Отец понял его: одно дело – стрела, и совсем иное – личный засапожный нож. Сам с седла добил косулю второй стрелой.

Сказал не в укор:

– Никогда не оставляй животное в мучениях. Добей, если не смог поразить с первого раза. Кстати, врагов это тоже касается.

– Прости, батюшка, с непривычки. Больше этого не повторится.

– То-то же.

– Завтра поедем, батюшка?

– Если свободен буду.

На следующий день отец был занят, и Владимир решил проехать в степь один.

– Дозволишь, батюшка?

– В кольчуге и при мече.

– И даже со щитом.

– Тогда – с Богом!

И княжич выехал в степь воистину с Богом, о чем впоследствии и поведал сынам своим.

4

Поначалу все складывалось ладно. Он внимательно осмотрел равнину, приметил вдалеке туров, барса вроде нигде не видать. Подумал: уж не крадется ли за ланями в высокой траве? И взял правее: очень ему захотелось оленя подстрелить.

Но добро выезженный жеребец вдруг заартачился, задрал голову и норовя встать на дыбы. Владимир осадил его, охлопал ласково. Конь, несогласно фыркнув, хозяина послушался, хотя по-прежнему настороженно прятал ушами.

– Не бойся... – Владимир не договорил. Из высокой травы вылетело нечто огромное, стремительное и беспощадное...

Лютый зверь прыгнул прямо на Владимира. Княжич не был к этому готов, но жеребец именно того и ждал. Уже падая на землю, он успел ударить барса могучим копытом по голове.

Удар не остановил броска хищника, а лишь оглушил его, и барс на какое-то мгновение промедлил ударить лапой по человеку. Это мгновение позволило Владимиру загородиться щитом и выхватить из-за голенища остро отточенный нож. Щит кое-как удержал удар мощного зверя, накрыв Владимира с головой. Барс продолжал бить по щиту лапами, стремясь добраться до человека, но княжич упорно держал щит перед собой, а сам изо всех сил наносил ножом удар за ударом в брюхо барса. Но брюхо лютого зверя было прикрыто надежной броней мощных мышц, и нож княжича ничего не мог с этим поделать.

Так продолжалось в общем-то недолго, хотя Владимиру казалось, что время остановилось. Барс продолжал бить лапами по щиту, левая рука Владимира постепенно немела. И неизвестно, сколько времени он смог бы удерживать эти удары хищника, если бы... не конь.

Придя в себя после падения, упрямый жеребец попытался снова вступить в бой, и барс невольно рванулся к новому противнику. В это мгновение княжич что было силы полоснул его ножом по ничем не прикрытому мягкому горлу. Барс сверкнул клыками, рыкнул, хлынула кровь и... все было кончено.

Владимир лежал под поверженным врагом, ему не хватало воздуха, привычная кольчуга казалась тугим арканом, сдавившим грудь. Сил больше не было. Что-то яркое замелькало вдруг перед глазами, и Владимир ясно представил себе сестер, окруженных звонкими подружками-хохотушками. Вот кому надо бы рассказать, как он в одиночку одолел лютого зверя. И он непременно расскажет им... Расскажет...

Жеребец тронул его копытом, недовольно фыркнул.

– Что? – с трудом выдохнул Владимир. – Вставать пора?.. Сейчас. Сейчас...

Глубоко вздохнул, собрал все свои силы, с натугой, невероятным усилием выпрямил прижатую барсом левую руку, и лютый зверь скатился на окровавленную траву.

Владимир встал, с трудом взобрался в седло. Колени его дрожали, и сердце никак не хотело успокоиться. Сказал коню:

– Поехали...

И все понимающий конь осторожно, шагом, тронулся в обратный путь.

Княжич ни словом не обмолвился отцу о своей небывалой победе, не без оснований полагая, что суровый великий князь навсегда запретит ему выезжать в степь одному.

– В крайнем случае, – скажет, – со Свиридом. Он к тебе с малолетства приставлен.

Вот уж с кем с кем, а со Свиридом ехать на охоту Владимиру совсем не хотелось. Свирид был напрочь лишен охотничьей страсти и всему на свете предпочитал чтение в удобном кресле с вазой, полной сластей, фруктов, орехов и миндаля.

Вернувшись после схватки с барсом в княжеский дворец, Владимир сразу же прошел на женскую половину. Хотелось скорее повидать сестер и их подружек. Недаром ведь увиделись они ему как знамение, когда, выбившись из сил, опустошенный трудной победой, он лежал под навалившимся на него умерщвленным зверем. Но свернул к матери.

Великая княгиня читала.

– Матушка моя, – тихо сказал Владимир.

Анна тотчас отложила книгу. Внимательно посмотрела на сына, молча указала на ковровый пуфик.

Мономах сел.

– Рассказывай.

– Я барса убил.

– Стрелой, что ли?

– Нет. Он на меня бросился, но конь помог. Мы вдвоем бились.

– В крови весь. Ранен?

– Нет. То его кровь.

Рассказывать о поединке ему было невыносимо трудно. Но матушка все же вытащила из него кое-что. Поняла, как запеклась и спряталась душа его и как юной, легко ранимой душе этой тяжело сейчас от запекшегося страха. Поцеловала в лоб, улыбнулась.

– Все позади, сын. Барсов будет много в твоей жизни, но ты уже научился их убивать. – Она замолчала. Задумалась. – Вот...

– Что, матушка?

– Теперь спасать пора учиться, сын.

– Кого спасать, матушка?

Великая княгиня помолчала опять, размышляя, не рано ли перелагать на неокрепшие юные плечи тяжкий гнет великокняжеских интриг. Наконец решила:

– В спорах и суете за власть Киевскую твой батюшка вынужден был дать слово, что посадит твоего двоюродного деда, князя Судислава, в поруб. И посадил, и это было очень несправедливо, сын. Твой отец и рад бы князя отпустить, да слово дано княжеское. Вот если бы ты друзей нашел...

– Найду, матушка.

– ...от клятвы этой свободных, а значит, неслуживых. И освободил бы князя Судислава. Справедливость всегда должна торжествовать.

– Я спасу деда Судислава.

– Благословляю, сын. – И она поцеловала его в лоб. – Ступай к девочкам, но о барсе им не рассказывай. Пощади душу свою.

– Да, матушка.

Сестры и их подружки очень Владимиру обрадовались, застрекотали, засмеялись, затормошили его...

А он молчал и блаженствовал, чувствуя, как оттаивает душа.

Так он никому больше об этой борьбе-битве и не сказал.

5

На третий день Владимир снова выехал на охоту. Не потому, что так уж стосковался по ней, а чтобы проверить себя. Проверить: остался в его душе хотя бы клочок страха после встречи с барсом или нет уж там никакого страха, а есть только не очень-то веселое торжество? И, вероятно поэтому, никому не сказал и опять выехал в степь один, без Свирида. Отец был занят важными переговорами и никак ему воспрепятствовать не мог.

Владимир Мономах ехал неторопливо, полной грудью вдыхая густо настоящий на тысячах трав степной воздух. Было раннее утро, равнина и сам воздух еще не прогрелись, запахи еще не очерствели и щедро одаривали степь полным набором тончайших ароматов бескрайнего простора.

Княжич приглядывался к дичи, которой в Дикой Степи было великое множество. Торпаны, олени и косули, лани, сони и дрофы вышли подкормиться утренней сладкой травой, а хищники еще пребывали в заманчивой утренней дреме. Хорошо выезженный жеребец чутко слушался шенкелей, почему княжич и бросил поводья, освободив обе руки, чтобы сподручнее было стрелять из лука, если появится достойная цель. Впрочем, о цели он сейчас почти не думал. Он любовался огромной степью, с наслаждением вдыхая ее ароматы...

Вдруг жеребец шарахнулся в сторону, да так резко, что княжичу пришлось уцепиться за переднюю луку богато изукрашенного седла.

– Ты что?..

Глянул вперед и оторопел.

Справа от него человек стоит. Невеликого роста: трава ему чуть выше подпояски бедной оборванной одежды.

– Ты кто такой? – Владимир спросил. Растерянно как-то спросил. Не по-княжески. От неожиданности, что ли.

Парнишка упал на колени: из травы торчала одна его голова.

– Великий боярин, не вели казнить, вели слово вымолвить!..

Странно все это было.

И сам сказал странно:

– Вымолви.

– От отца бежал, великий боярин, – парнишка горестно вздохнул и опустил голову. – Он зазнобу мою единственную хотел половцам продать. Палкой меня ударил, только я палку ту вырвал и сам ударил его. По обычаю мне смерть грозила, и я бежал. Не вели казнить, вели миловать.

– Милую, – усмехнулся Владимир. – Бежал, а зазнобу оставил?

– Я к братьям ее бросился, привел их, а зазнобу свистом вызвал и им передал.

– Как же ты в степи кормился?

– Лук сделал да стрелы. Без промаха научился бить. Голод – не тетка.

– А от зверей как спасся?

– А со мною друг верный, беглый закуп, – заулыбался парнишка. – Бросился было на нас лютый зверь, так Ратибор руками его порвал. И мы его с голодухи съели.

– Ну?.. – усомнился княжич. – Каков же он сам, друг твой?

– Так вот он, – сказал парнишка. – Покажись великому боярину, Ратибор.

С шумом великим раздалась трава, и перед княжичем Владимиром возник детина никак не меньше двух сажен с добрым гаком.

– Вот это да... – озадаченно протянул Владимир. – Тут не вам, тут мне чуру просить надобно.

– Мы тебе роту на верность принесем, – успокоил паренек. – Принесем, Ратибор?

– Принесем, Добрынька, – пророкотал детина. – На всю жизнь, как славяне приносят...

«Вот!.. – вдруг мелькнуло в голове Владимира. – Вот и помощь мне в правом деле...»

– Так для роты оружие к ногам положить требуется, – усмехнулся княжич. – А вы что положите?

– Головы свои положим!..

Хором крикнули.

– Нет, так роту не приносят. Вы сначала оружие заслужите.

– Как это? – рокотнул громopodobным басом Ратибор.

– Коль поможете деда моего двоюродного, князя Судислава, из поруба вытащить, полным оружием награжу. И брони дам, и меч, и шлем, и кольчугу, и нож засапожный. Вот тогда оружие к ногам, и роту – мне. Как полагается по правилам.

– Веди, великий боярин! – вразной гаркнули новые помощники. Но разной их был дружным.

– Тогда – к Киеву. За мной.

Поскакал к воротам не оглядываясь. Знал, что Добрынька бежит рядом, ухватившись за стремя, а позади, гулко топая, поспешает Ратибор.

– Князь Судислав мешал в усобицах княжеских, – объяснял Владимир по дороге. – Он всегда за справедливость и правду горой стоял. Вот бояре его в поруб и сунули, и великий

князь Всеволод, отец мой, крест целовал, что не выпустит его. А я креста не целовал, на мне греха нет и не будет. И деда я освобожу.

– Это при свете-то солнечном? – недоверчиво спросил Добрынька.

– В стольном Киеве ночи дождемся, я охрану уговорю. Когда они отвернутся – за мной.

Только поначалу свяжу вас для вида.

– Это зачем же? – насторожился Добрынька. – Не-ет, не надо нас связывать.

– Чтобы стражники у ворот не пострадали. Скажут своему воеводе, что я пленных в Киев провел на боярский суд.

– Вяжи, – буркнул Ратибор.

Княжич осторожно снял с передней луки седла аркан, ловко крутанул над головой, и петля легла на плечи богатыря.

– Возьмешь Добрыньку за шиворот и поведешь перед собой...

– Я не...

Ратибор молча схватил Добрыньку за шиворот и даже встряхнул его.

– Куда велишь, великий боярин?

– Держи пока. Мне надо сначала с охранниками потолковать.

Охранники оказались знакомыми. Так как княжич уже не раз выезжал на охоту, к его выездам привыкли. Владимир что-то сказал им, охранники засмеялись и отвернулись.

Владимир махнул рукой:

– Быстро!

Так втроем они проскользнули в город, свернули в глухой переулок и спрятались за полуразрушенными старыми сараями.

– Ждать здесь.

– Боязно, – вздохнул Добрынька.

– И ни звука...

Примолкли...

Вскоре пастух громко защелкал кнутом, подгоняя коров, которые паслись на выгонах за городскими стенами. Послышался дробный перестук копыт, мычание стада.

– А если коровы в эти сараи пойдут? – спросил Добрынька.

– Они по избам разойдутся, – тихо сказал Владимир. – Приучены.

Коровы и впрямь поспешили по домам, пастух тоже ушел, и все замерло.

– Сидеть здесь будем до сумерек.

– Так это ж... – начал было Добрынька.

– И не разговаривать.

Не разговаривать Добрыньке было трудно. Однако рта он больше не раскрывал – только вздыхал от души. А Ратибор стойко помалкивал.

Сумерки опустились быстро, и Владимир вздохнул с облегчением. В такое время киевляне из домов не выходили, на улицах лишь изредка появлялась ночная стража.

– Пора, – сказал княжич. – Если повстречаемся со стражей, молчите. Я с ними разговаривать буду.

– Как повелишь, великий боярин.

– За мной. И без шума.

Темнело. На улицах никого не было, да и сами стражи куда-то подевались. Притих стольный град Киев.

– Долго еще нам с боязнью идти? – спросил нетерпеливый Добрынька.

– Поруб в переулке за Десятинной церковью. Недалеко осталось.

Вот и Десятинная церковь, заложенная еще великой княгиней Ольгой и достроенная великим князем Владимиром. Свернули в переулок и остановились перед срубом без окон.

– Неужто и вовсе не кормят узника? – ужаснулся Добрынька.
– Кормят, – вздохнул Владимир. – Два раза в день кормят. Утром и вечером. На срубе крыши нет, через верх забрасывают.
– И князя Судислава тоже через верх забросили? – спросил Ратибор.
– Князя ввели через дверь, а потом ее дубовыми досками заделали. Сумеешь проломить, Ратибор? Очень на тебя рассчитываю.
– Проломлю, – Ратибор кивнул.
– А если охрана на шум прибежит? – насторожился Добрынька. – Ратибор без шума ничего делать не умеет. Так что...
– Поруб никто не охраняет, но ты все же присмотри.
– Присмотрю.
И Добрынька, вздохнув, нехотя отошел на порученный пост.
– Ломай, Ратибор.
Богатырь отступил от двери шага на три, а потом с разбега ударил ее плечом. Дверь треснула пополам, и Ратибор тут же выломал остатки.
– Что еще делать повелишь?
Владимир молча отстранил его, громко крикнул в сумрак:
– Ты свободен, князь Судислав!
В разломанном дверном проеме появилась фигура высокого худого старца.
– Здрав буди, князь Судислав!
И Добрынька с Ратибором подхватили:
– Здрав буди!..
Княжич снял с себя меч с перевязью, поцеловал лезвие и протянул старцу:
– Прими мой дар, князь Судислав. – Владимир помог старику надеть перевязь меча через плечо. – Где спрятаться думаешь?
– У супруги своей, которая давно уж вдовушкой себя считает.
– Да, князь, – вздохнул Владимир.
– За кого мне Господа молить?
– За Мономаха, князь.
– Ты будешь самым знаменитым князем на Руси, Владимир Мономах, – громким ясным голосом возвестил старец. – Слава великому князю!
– Слава! Слава! Слава! – поддержали славословие Ратибор и Добрынька.
Князь Судислав уже скрылся в густых сумерках, а Владимир все еще глядел ему вслед. Потом вздохнул почему-то невесело и сказал:
– Пошли оружие добывать.
– Грабить, что ли? – растерянно спросил Добрынька. – Так оружного не ограбишь...
– Мы грабить не будем, – усмехнулся Мономах. – Мы попросим, может, дадут.
Они подошли к противоположному от парадного входа в Большой великокняжеский дворец. Княжич подозвал какого-то гридня.
– Мне принесешь меч, а моим друзьям – полное дружинное снаряжение.
– Я с ним пойду, – пророкотал Ратибор. – Я к мечу не приучен, мне дубина нужна. Да и никакая кольчуга на меня не налезет.
– Это уж верно, – усмехнулся Добрынька. – Я тоже кольчугу примерить хочу.
Они ушли. Гридин проводил их и вернулся, неся меч Владимиру Мономаху.
– Примерь по деснице, княже, – сказал он, протянув оружие.
Владимир прикинул по руке меч.
– Подходит.
А сам подумал, что желание матушки он сегодня исполнил. И на душе стало тепло.

6

Из дворца вышли Ратибор и Добрынька. Добрынька был в кольчуге, на поясе его висел меч, а из-за спины выглядывал легкий дротик. Богатырь нес на плече корявую дубину.

– Мы при оружии, – сказал Добрынька. – Дозволь роту тебе принести, великий боярин.

И, поклонившись Владимиру, положил перед ним на землю меч, дротик и засапожный нож. То же проделал и Ратибор со своей дубиной.

– Прими нашу роту, великий боярин...

– Неверно, – сказал Мономах. – Опуститесь на левое колено и поднимите правую руку.

Указание было тотчас исполнено, и Добрынька опять затянул:

– Прими, великий боярин, нашу...

– И снова неверно, – перебил Владимир. – Повторяйте за мной: прими, князь Владимир Мономах, нашу роту на верность.

Ахнул Добрынька:

– Князь?!

И тут же спохватился. Забормотал:

– Прими, великий князь...

– Нашу роту на верность, – закончил Ратибор густым басом.

– Вот так будет правильно. Я принял вашу роту. Отныне Добрынька отвечает за мою левую руку, а Ратибор прикрывает меня со спины.

– Со спины? – уточнил Ратибор.

– Со спины. Запомнили?

– На всю жизнь, великий князь!..

– Зачисляю в личную дружину. Пошли теперь с парадного крыльца. Там вас в дружинников переоденут, а потом я вас отцу представлю. Великому Киевскому князю Всеволоду.

– Веди, князь!.. – Дружно гаркнули.

Мономах провел обретенных дружинников в великокняжеский дворец главным входом. Гридни низко кланялись, стражники враз вытягивались в струнку, прижимая левую руку к своим мечам. Никто не задавал вопросов.

Все трое во главе с Владимиром прошли в приемный зал.

– Здесь положить оружие.

– Зачем? – недовольно и вроде бы даже недоверчиво спросил Добрынька.

– Вход к великому Киевскому князю с оружием запрещен всем, кроме меня. – Владимир поправил кольчугу, меч, снял шлем, положив его на изгиб локтя. – Ждать, пока не позову.

Два рослых воина, стоявших у двери, ведущей в палату великого князя, молча расступились перед Мономахом. И распахнули перед ним двери.

Владимир вошел в покои.

– Здрав буди, батюшка мой...

И стражники тотчас же двери закрыли.

– Зачем пожаловал? – сурово спросил великий Киевский князь. Очень не любил, когда сын тревожил его без достаточных на то оснований.

– Своих новых дружинников решил тебе показать, батюшка.

– Зачем? Они же – твои.

– Один из них барса руками порвал.

– Не верю...

– Дозволишь позвать его?

– Любопытно мне на лгуна посмотреть.

– Хорошо, – усмехнулся Мономах.

Прошел к дверям, распахнул:

– Ратибор, великий князь зовет!

Ратибор вошел, низко, коснувшись пальцами пола, поклонился.

– Здрав буди, великий князь!

– Ого!.. Сын мой говорит, будто ты барса руками порвал?

– Порвал, великий князь.

– Ну так докажи.

– Так барса нет.

– Ишь ты. А чем тогда докажешь?

– А дозволишь?

– Дозволю.

Ратибор подошел к великому князю, нагнулся, взялся за ножку кресла и на вытянутой руке поднял его вместе с князем над головой.

– Хватит! Хватит!.. – кричал великий князь. – Поставь на место!..

Владимир хохотал.

– Поставь...

Ратибор осторожно опустил кресло вместе с великим князем на место.

– Ну как, батюшка, доказал?

– Доказал... – отдуваясь, покивал головой великий князь. – А второй? Такой же?

– Нет, батюшка. Но из лука в сосновую шишку попадает. Добрыня!

Добрыня с робостью заглянул в покои, поклонился до земли.

Великий князь с неудовольствием покачал головой, вздохнул:

– Ну, спасибо, сын. Уважил...

– Ступайте, – сказал Владимир своим новым телохранителям.

Новые дружинники низко поклонились великому князю и вышли.

– Хороши мои дружинники?

– Хороши, – угрюмо проворчал отец. – С такими дружинниками тебе самое время и на княжение... Вели, чтобы мне квасу принесли.

– Квасу! – крикнул Мономах, подойдя к двери. – Квасу похолоднее великому князю!

Глава вторая

1

– Поедешь княжить в Ростов, – сказал сыну великий князь Киевский Всеволод после того, как напился квасу и продышался. – Пора уж тебе, наследник, управлять учиться.

– Спасибо, батюшка.

– Три дня на сборы.

– Четыре.

– Четыре. Ступай.

Новый Ростовский князь вышел, но вместо того, чтобы готовиться к поездке в Ростов, разыскал князя Судислава.

– Здрав буди, князь Судислав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.